

Д. А. Ольдерогге

**ЯПОНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ
АФРИКИ**

Известная исследовательница, автор многочисленных работ по этнографии народов Юго-Восточной Азии, Ти Наканэ в одном из своих докладов, посвященном истории развития антропологии (этнографии) в Японии, отметила, что в ее стране эта наука — одна из наименее развитых среди прочих общественных дисциплин. Правда, японские ученые долгое время интересовались этнографией, но они обращали основное внимание на изучение особенностей быта сельского населения своей страны. Только в 80-х годах прошлого века была создана Антропологическая ассоциация, а в следующем десятилетии — Этнологическая и фольклорная ассоциация. В это время японских ученых занимало преимущественно соотношение этнической и фольклорной традиций, что объяснялось влиянием работ Д. Фрезера. Лишь после первой мировой войны идеи Фрезера в трудах японских исследователей уступают место влиянию Э. Дюркгейма, М. Моеса, В. Шмидта, Б. Малиновского и А. Рэдклиф-Брауна. Их труды переводятся на японский язык, их идеи обсуждаются на страницах журналов. В 1934 г. создается Этнологическое общество, а в 1943 г. — Институт этнологии. Японские ученые начинают изучать народы Юго-Восточной Азии. Эти исследования сосредоточиваются в отделе социальной антропологии Токийского университета (Metropolitan University) и в отделе культурной антропологии Университета Токио. Позднее такие центры организуются в Киото и других городах Японии.

Существенный интерес представляют исследования японских ученых в области африканистики. Университет Киото, начиная с 1964 г., издает сборники статей под общим названием «Африканские исследования Университета Киото».

Перед нами восемь томов этого издания¹. Книги прекрасно изданы — отличная бумага, ясная печать, четкие, хорошо составленные диаграммы, превосходные рисунки, много карт и схем.

Знакомство с содержанием еще более радует читателя. Мы видим, что в Японии появилась серьезная школа африканистики, издаются работы, основанные не только на английских, американских или французских публикациях, но и на материалах собственных полевых исследований. Начав с создания научно-исследовательских баз в районе озера Эяси в Танзании, японские этнографы, социологи и лингвисты затем приступили к исследованиям в пустыне Калахари, развернули работы в Камеруне и Мали, а также организовали комплексную научную экспедицию по изучению Сахары.

¹ «Kyoto University African Studies» (ed. Tadao Umehao), Vol. I — 1966, II — 1968, III — 1969, IV — 1969, V — 1970, VI — 1971, VII — 1972, VIII — 1973. В дальнейшем ссылки на эту работу даются в тексте — номер тома и страницы.

В настоящее время никакая серьезная научная работа, проводимая в Восточной Африке, особенно в Танзании, невозможна без знания языка суахили. Поэтому все участники экспедиции заблаговременно изучали этот язык.

В вводной статье, открывающей это издание, проф. Киндзи Иманиси излагает историю подготовки экспедиций, задачи и методы исследовательских работ в Африке. Первоначально японские ученые предполагали организовать приматологическую экспедицию для исследования поведения шимпанзе и проектировали создание научной базы на берегу озера Танганьика. Но затем в составе экспедиции был создан отдельный этнографический отряд. Экспедиция была организована Университетом Киото при содействии Министерства просвещения Японии, некоторых японских компаний и научного фонда Веннер-Грэна. Работы начались в 1961 г.

Этнографический отряд обосновался на северо-восточном берегу озера Эяси, где в местечке Мангола была создана база. Выбор места для экспедиционных работ определялся тем, что здесь обитали не только скотоводы *мангати*, но также охотники-собиратели *тиндига*. Кроме того, в этом районе лет двадцать тому назад обосновались земледельцы-суахили, пришедшие сюда с юго-запада, и *мбулу*, переселившиеся с юго-востока.

В первом томе К. Иманиси перечислил все обследованные этнические группы, используя принятые в английской этнографической литературе этнонимы. Однако эти этнические названия были заимствованы из языка суахили и попали в отчеты путешественников и в официально принятую номенклатуру племен через переводчиков и проводников, говоривших на этом языке. Поэтому позднее в работах членов экспедиции все эти этнонимы были заменены самоназваниями. Вместо *тиндига* или *киндига* дается их настоящий этноним — *хадза* или *хадзапи* (где последний слог является показателем множественного числа). Название *мангати* заменено самоназванием племени *датого*, которое в английской литературе иногда ошибочно именовалось *татого* или *татог*. Наконец, суахилийское обозначение народа *мбулу* было заменено этнонимом *ираку* или, что точнее, *иракв*.

Выбор района для исследования был сделан очень удачно. Все перечисленные племена и этнические группы были до последнего времени мало изучены. Так, о существовании хадзапи стало известно лишь в 1931 г., когда появилась небольшая статья известной исследовательницы бушменов Южной Африки Д. Блик².

Известие это сразу привлекло внимание ученых, так как подтверждало сведения о том, что в центральной части Танганьики существуют этнические группы, в языке которых имеются характерные для бушменских и готтентотских языков щелканья. Однако до появления японской экспедиции в этом районе материальная культура, общественный строй и язык хадзапи оставались почти неизученными. Правда, в 1932—1939 гг., здесь работали палеоантропологи и археологи под руководством проф. Л. Коль-Ларсена. Хотя изучение местного населения не входило в задачи этих экспедиций, Коль-Ларсен с помощью переводчиков-суахилийцев записал сказки и мифы хадзапи. В своих публикациях он называет их по-суахилийски *тиндига*. Записи Коль-Ларсена дали много нового для уяснения быта и фольклора хадзапи³.

² D. F. Bleek, The Hadzapi or Watindega of Tanganyika Territory, «Africa», vol. IV, 1931, p. 273—286.

³ Коль-Ларсен опубликовал в серии «Das Gesicht der Völker» две книги: «Das Zaubertorn, Märchen und Tiergeschichten der Tindiga», Eisenach und Kassel, 1956; «Das Elefantenspiel. Mythen, Riesen- und Stammesagen. Volkserzählungen der Tindiga», Eisenach und Kassel, 1956. Наиболее интересные записи из этих изданий были переведены на русский язык Г. Пермяковым. См.: «Волшебный рог. Мифы, легенды и сказки бушменов хадзапи», М., 1962.

Неизвестно было и происхождение народа иракв, чей язык резко отличается как от языков банту, так и от нилотских языков и наречий. Это тем более удивительно, что иракв жили в окружении народов, говорящих на языках банту, а соседями их с севера были нилотоязычные масаи и датога. Язык иракв оставался почти неизученным, и известный лингвист У. Уайтли признавал его стоящим особняком среди всех языков Восточной Африки и отрицал его связь с кушитскими языками Эфиопии⁴. Нет необходимости говорить, что общественный строй иракв был неизвестен, и о них имелись лишь самые общие, весьма смутные сведения⁵. Наконец, и датога — скотоводческое племя, постоянно враждовавшее с масаями, которые нападали на него еще в конце прошлого века, — были настолько мало изучены, что одна из их групп, *барабаиг*, считалась особым племенем.

Словом, база на озере Эяси устраивалась в районе, который представлял большой интерес для науки. В этой части Республики Танзания представлены три разных хозяйственно-культурных типа. Исследователи могли изучать здесь племя охотников и собирателей хадзапи (суахили их называют *watu wa upindi* т. е. «люди лука»), скотоводов датога (на языке суахили — *watu wa ngombe*, т. е. «люди скота») и, наконец, земледельцев разных этнических групп, говорящих на языках банту (*watu wa shamba*, т. е. «люди поля»). Как оказалось впоследствии, у иракв был четвертый, особый тип хозяйства, при котором земледелие и скотоводство не составляли единого целого, но как бы сосуществовали параллельно, образуя две относительно самостоятельные сферы экономики.

Таким образом, перед группой японских ученых вставало много интересных проблем. Серьезной задачей был также выбор правильного метода изучения. Работа этнографа в условиях освобожденной Африки существенно отличается от исследований, проводившихся в колониальный период, и по методу, и по задачам. Раньше этнограф выступал нередко как представитель колониальных властей. Задачи его исследований зачастую определялись потребностями колониального управления. Этнограф, особенно если он к тому же был правительственным чиновником, облеченным властью, оставался для изучаемого им населения посторонним лицом, часто нежелательным. Этнограф обычно пользовался прямой поддержкой колониальных властей, что также не вызывало к нему доверия со стороны населения. В лучшем положении оказывались те исследователи (нередко миссионеры), которые жили в стране по многу лет и знали местные языки. Однако число таких ученых было невелико. Большая часть этнографов приезжала в страну на короткое время и вела работу часто без знания языка.

В новых независимых странах Африки отношение к этнографическим исследованиям было очень сдержанным. Местные государственные и политические деятели с неодобрением относились к этнографическим исследованиям вообще, так как видели в них стремление изучать старину, древние обряды, отсталые формы хозяйственного быта и т. д., словом все то, что представляет собою помеху в дальнейшем развитии народов Африки. Любые опросы вызывали настороженное отношение со стороны местных жителей, которые привыкли видеть в этнографах представите-

⁴ W. H. Whiteley, The verbal radical in Iraqv, «African Language Studies», t. I, 1960, p. 79—95; H. C. Fleming, Asa and Aramanik: Cushitic hunters in Masai Land, «Ethnology», Vol. VIII, № 1, 1969, p. 1—36.

⁵ В 1937—1939 гг. Л. Коль-Ларсен собрал среди иракв немало сказок о животных. Записи велись при посредстве переводчиков с языка суахили и были изданы по-немецки: L. Kohl-Larsen, Der Hase mit den Schuhen, Tiergeschichten der Iraku, Erich Röth Verlag, Eisenach und Kassel, 1958. Книга эта была переведена на русский язык и была издана под редакцией и с предисловием А. А. Жукова. См.: А. Коль-Ларсен, Заяц в башмаках. Сказки племени иракву, М., 1963.

лей колониальных властей. Поэтому следовало тщательно продумать методику исследований. Японские ученые избрали метод «участника-наблюдателя», позволяющий наблюдать изучаемое общество, так сказать, изнутри. Метод этот в колониях применялся довольно редко. Он получил распространение в английской этнографии лишь со времен Б. Малиновского. Еще раньше этот метод применялся русскими этнографами, находившимися на Дальнем Востоке и крайнем севере Сибири на положении ссыльных. Нечто подобное случилось и с Малиновским, который оказался на Тробрианских островах в качестве подданного Австро-Венгерской империи, интернированного во время первой мировой войны. Как он, так и русские исследователи — Л. Я. Штернберг, В. Г. Богораз, В. Н. Майнов, В. И. Йохельсон и др., — провели долгие годы в непосредственном контакте с местным населением, изучили местные языки⁶.

Метод «участника-наблюдателя» требует длительного периода, в течение которого исследователь постепенно входит в жизнь населения. Этот подготовительный период, который К. Иманиси называет «временем создания атмосферы», в зависимости от обстоятельств может длиться от шести месяцев до года. В это время этнографу целесообразно воздерживаться от каких-либо исследований и расспросов. Однако это не значит, что он должен оставаться пассивным, напротив, ему необходимо активно входить в жизнь наблюдаемого им общества. Именно так стремились действовать японские ученые.

В 1961 г. в Танзанию прибыл японский этнограф Т. Томикава, который специализировался в области социальной антропологии, но имел медицинское образование. Когда была организована база на озере Эяси, он начал лечить больных, делая это бесплатно, и в скором времени заслужил доверие местных жителей. Через несколько лет он был принят в племя датога и был допущен к участию в собраниях совета старейшин племени. Другой сотрудник экспедиции, Вадзаки, был введен в среду местного населения своим предшественником Томикава, к тому времени уже известным населению. Вадзаки, по специальности лингвист и социальный антрополог, начал заниматься с детьми. Он обучал их рисованию и ручному труду, а в 1967 г. открыл школу, для которой японцы выстроили особое здание. Интересно, как Вадзаки постепенно получил признание. Сначала его называли так, как называют в Восточной Африке вообще всех европейцев и американцев, т. е. *wazungu*⁷, иногда *mpeni* (чужеземец) или *jарапи*. По мере того как руководимая им школа получала признание, его все чаще стали называть учителем (*mwaliimu*). Когда же Вадзаки сблизился с местными жителями, его начали величать *gafiki* (друг) или даже *ndugu* (брат). Слово *ndugu* обозначает брата в широком значении этого слова: «свой», «родственник» и т. п. С того времени, как Вадзаки стал «братом» и «другом», его начали приглашать на собрания общины и, наконец, через несколько лет, во время празднования рамадана, Вадзаки получил, по исполнению особого обряда, мусульманское имя Иди Мамеди (хотя он и не принимал ислама). Все стали называть его Иди, и его положение в общине было признано всеми.

Третий член экспедиции — Кодзо Томита, изучавший быт хадзапи, — был отличным стрелком и, убивая дичь, делился ею с охотниками.

Первоначально японские ученые изучали быт двух племенных групп: хадзапи и датога. В 1964 г. была организована вторая база у горы Хананг в центре расселения народа иракв.

⁶ Метод «изучения общества изнутри» описан английским этнографом Дж. Мидлтоном на примере исследования народа лугбара в Северной Уганде. См.: J. Middleton, *The Study of the Lugbara: Expectation and paradox in anthropological research*, New York, 1970.

⁷ К числу *wazungu* относят также китайцев и японцев, но не индийцев и арабов, которых называют *wahindi* и *waagabu*.

В процессе работы японские ученые поняли, что их первоначальное представление о племени как самостоятельном целом, живущем замкнуто, обособленной жизнью, не соответствует действительности, особенно в наши дни. Они отказались от мысли создать монографии об отдельных племенах, ибо убедились, что племена не представляют собою жестко обособленных объединений. Напротив, они находятся в постоянной взаимозависимости, и структура их очень подвижна. Поэтому исследователи сосредоточили основное внимание на проблемах взаимоотношений между разными племенами, например, скотоводами датога и земледельцами иракв, занялись изучением нового типа общин, вроде *гичеуда* у скотоводов датога или *инлато асеагепа* у земледельцев иракв (то, что мы назвали бы соседскими общинами).

Естественным развитием этих исследований была постановка проблемы этнического состава и структуры африканского города. Город всегда развивался как многоплеменное единство и не был связан с племенной структурой. Особый интерес для исследования представляли собственно африканские города. Первоначально японские ученые хотели избрать районом своего исследования Моши. Но этот центр племен *джага* был создан немецкими колониальными властями, и поэтому после внимательного обсуждения было решено остановиться на изучении города Уджиджи. Этим занялся С. Хино, социолог по образованию, проживший там более двух лет. Исследования его представляют большой интерес и о них будет сказано ниже.

Хадзапи

Как уже было сказано, изучение быта охотников и собирателей хадзапи — бушменов Восточной Африки — входило с самого начала в задачи экспедиции. Эти исследования вел в 1962—1964 гг. социолог Кодзо Тамита. Кроме того, проблемами психологии хадзапи в 1964 г. занимался один из членов приматологического отряда, Ёсинару Худзиока.

Статья К. Томита «Источники пищи племени хадзапи. Жизнь охотничьего племени в Восточной Африке» (т. I, 157—171) представляет большой интерес и существенно пополняет наши сведения об этом почти неизученном племени. Общая численность хадзапи — 500—600 чел. Они живут в саваннах и предгорьях около озера Эяси небольшими группами: к юго-западу от озера в стране Сукума, к югу в районе Исансу, около Сонга и на восточных берегах Эяси в районе Мангола. Эту последнюю группу и изучали японские этнографы. В нее входило около 80 чел., живших отдельными семьями по 6—11 чел. Основное их занятие — охота при помощи лука и отравленных стрел на антилоп, зебр и птиц, а также собирательство плодов, корней и меда.

Томита приводит названия 14 видов дикорастущих тыкв и других плодов, три названия съедобных корней на языке хадзапи, указывает их названия на суахили, отмечая и их латинские наименования. Интересно, что одному названию на суахили плода *мадоби* соответствует четыре различных названия на языке хадзапи. Очевидно, они различают отдельные виды этого растения, а может быть, стадии его роста.

Лет сорок назад хадзапи были полными хозяевами страны, но в 1948 г. в этот район перекочевали со своими стадами датога, а с юго-запада пришли иракв. В результате лучшие земли были заняты пришельцами, леса частично вырублены, хадзапи лишились многих своих охотничьих территорий. Соответственно в условиях жизни хадзапи произошли большие изменения: теперь они помогают земледельцам обрабатывать земли, получают от них в обмен на продукты собирательства зерно, обзавелись эмалированной посудой и т. д. Интересны сообщения о дележе убитых охотником животных. Охота исключительно дело мужчин. Охотник съедает мозг убитого им животного и, по представлениям

хадзапи, входит таким образом в особую связь с животным, которое становится его «другом» и помогает охотнику убить следующую жертву. Жаль, что этот интересный очерк хозяйства и быта хадзапи не снабжен рисунками орудий охоты: они позволили бы судить о конструкции лука и его отличии или сходстве с луками бушменов.

Две большие статьи Е. Хузиока — «Личность хадзапи — подход к эволюции личности» (II, 147—267) и о названиях животных у хадзапи (VIII, 187—203) — представляют собою исследования «национального характера» в духе теории «культуры личности», которая была в свое время очень популярна среди ученых США. Представленная работами Р. Линтона, Р. Бенедикт, М. Мид, К. Клукухоуна и многих других, она связана с фрейдизмом и трудами психолога Кардинера. Исследования японского ученого основаны на применении тестов Роршаха для изучения психологии поведения хадзапи. Хузиока пришел к выводу, что взрослые хадзапи по своему развитию якобы соответствуют детям от двух до пяти лет, живущим в современном цивилизованном обществе (II, 176). Однако необходимо учесть, что сам автор пишет об условиях, в каких проводились исследования: «Люди саванны — watu wa roḡiḡi — впервые в жизни сидели на стульях в доме и работали с белыми» (II, 165). Опрос велся на языке суахили, т. е. на языке, чуждом охотникам хадзапи. Автор, как он сам признает, также недостаточно владел этим языком, когда он предлагал свои тесты, и поэтому был обеспокоен, каковы могут быть результаты опроса (VIII, 188). Не знаю, что думают по этому поводу психологи, но мне представляется в высшей степени рискованным делать какие-либо заключения на основании опросов, проведенных на языке, чуждом как для опрашиваемого, так и для опрашивающего. Кроме того, надо учесть состояние охотника, впервые попавшего в необычную для него обстановку. Невольно возникает вопрос: какое суждение имели бы хадзапи об исследователе, если бы он отправился с ними на охоту, бродил бы с ними в поисках дичи, а затем подвергся бы с их стороны опросу на непонятном для него языке. Я уверен, что поведение ученого-психолога для них показалось бы поведением несмышленого младенца, не знающего животных, не умеющего обращаться с луком и стрелами.

Один из участников экспедиции, работавший на базе Мангала, — Дзиро Танака — затем был направлен в Южную Африку, где в течение 16 месяцев изучал бушменов центральной части Калахари. Самоназвание этих групп *гви* и *гана*. Их языки относятся к центральной группе бушменских языков. Общая численность — более 200 чел. По мнению исследователя, разделение труда в этих условиях «находится на самом низком уровне» — женщины собирают растительную пищу, мужчины охотятся. Он сравнивает общество бушменов с организацией стада у шимпанзе, отмечая, что единственное отличие якобы заключается в том, что бушмены употребляют палки для выкапывания корней и организованно доставляют продукты охоты и собирательства на стоянку. Правда, несколько ниже он добавляет, что бушмены пользуются луками, стрелами, добывают огонь.

Автор явно увлекся работами приматологов. Уместно вспомнить мнение крупнейшего специалиста по языкам бушменов Е. О. Вестфала, который считает вероятным, что центральные группы бушменов в действительности — готтентоты, оказавшиеся в трудных экологических условиях и утратившие многие черты своей прежней культуры в результате деградации⁸.

⁸ E. O. Westphal, A re-classification of southern non-Bantu languages, «Journal of the African languages», vol. 1, pt. 1, 1962, p. 5—6.

Племя скотоводов датага — вторая этническая группа, ставшая объектом изучения японских ученых. В 1962—1964 г. ее изучал Томикава, к которому в 1963 г. присоединился Тадао Умесао. Общая численность датага по переписи 1948 г. составляла немногим менее 28 тыс. чел. По языку они принадлежат к южной группе нилогов, точнее, к той их части, которую называют нило-хамитами, а по терминологии английских лингвистов — паранилотами.

Умесао, занявшись изучением хозяйственной деятельности этой этнической группы, обнаружил, что хотя окружающие ее народы называют датага «людьми скота», при внимательном рассмотрении обнаруживается, что у них живы еще традиции охотничьего быта.

В своей статье «Охотничья культура скотоводов датага» (III, 77—92) он доказывает, что по своим навыкам и приемам охоты они стоят гораздо выше, чем соседние с ними племена хадзапи. Основные орудия охоты — лук, стрелы, копьё и щит. Датага различают два вида охоты: *шагета* и *ририкита*. Первый из них — охота на антилоп гну, зебр, различных птиц и других травоядных животных; при этом употребляют лук и стрелы. К второму виду относится охота на хищных животных — львов, леопардов, а также на носорогов, буйволов и т. д. При охоте на них пользуются только копьями. К *ририкита* относят также нападения на людей, в частности так называют бывшие некогда довольно частыми столкновения с масаями.

Другая работа Т. Умесао посвящена описанию жилища датага. Исследование это отличается исключительной тщательностью, в нем указана вся терминология, связанная с сооружением хижины и ее внутренним устройством. Статья эта «Значение и структура жилища датага» (III, 55—76), снабжена прекрасно выполненными схемами, чертежами и рисунками.

Третья работа того же автора — «Семья и стада скотоводов датага. Анализ системы кличек, даваемых скоту» (I, 173—206). Т. Умесао выясняет систему связи социальной организации патрилинейных датага и системы меток и кличек скота, находящегося во владении отдельных семейных групп. Выясняется, что наряду с метками, указывающими на то, что скот принадлежит данной патрилинейной группе, существуют особые метки, обозначающие, что скотом владеет группа братьев и сестер одной матери в пределах полигинной семьи. Метки иногда указывают на способ приобретения скота: получен ли он в подарок при заключении брака, унаследован или же куплен. Метки имеют обычно геометрическую форму, но теперь, отмечает автор, нередко можно встретить среди них изображения букв латинского алфавита вроде ML, что означает начальные буквы названия газеты «Mambo Leo» («Дела сегодняшнего дня»), издающейся в Танзании.

Начатое Т. Умесао изучение меток скота продолжил М. Томикава, опубликовавший статью о связи социальной организации с обычаем метить скот тавром (VII, 1—36). В статьях «Локальные группы датага. Предварительный отчет-сообщение» (I, 207—230) и «Расселение и миграции датага; социологические различия в обществе датага в дистрикте Мангола» (V, 1—46) он описал миграции и современное расселение племенных групп этого народа. Все датага делятся на девять *эмоджига*, которые он называет «подплеменами». Состав этих групп показывает, до какой степени условно и неопределенно установившееся в научной литературе представление о племени как о четко определенной организации. Из девяти «подплемен» настоящими датага можно считать только шесть. Одно из них, называемое *исимиджега* — «подплемя» охотников, — было принято в союз датага сравнительно недавно, и память об этом еще жива. Два подплемена, которые объединяют кузнецов и ремеслен-

ников, считаются низшими по сравнению с остальными датога, которые не вступают с ними в браки. К числу коренных групп датога относится *барабанг*. До недавнего времени эту группу считали самостоятельным племенем.

Впрочем, в настоящее время ни племя в целом, ни подплемя, т. е. эмоджига, уже не играют важной роли в жизни датога. Основную хозяйственную и социальную единицу составляет *геда*. Этим словом датоба обозначают жилище, или точнее группу хижин с загонем для скота, обнесенную колючей изгородью, т. е. хутор, или двор, а также его обитателей. В каждом таком домохозяйстве живет большая патрилинейная семья: мужчина — глава семьи, его жены и дети, а иногда и его ближайшие родственники — мать главы семьи, ее сестры и т. п. Скот принадлежит всему домохозяйству, но распределен между женами главы семьи. Каждая из них имеет свою хижину, которая находится в ее ведении. Это — *горида*, т. е. хозяйство женщины. Тут же живут ее дети. Женщины доят коров и заботятся о молодняке скота. Все члены гориды называются по имени женщины: так, хижина, т. е. горида, возглавляемая женщиной по имени Ама, называется горида Ама, а все члены ее — *ге-Ама*. Соответственно этому делению и скот получает клички и метки. Группа в 10—20 таких домохозяйств образует соседство. Это по существу соседская община, объединенная определенными обязательствами взаимопомощи. Такая соседская группа выступает как самостоятельная общественная единица. Соседские общины могут состоять из родственников как по браку, так и по происхождению, но состав их, по-видимому, очень разнообразен. Соседские общины — появились относительно недавно. В прошлом, когда датоба вынуждены были опасаться нападения масаев, они жили не отдельными большими семьями, как теперь, но в одном поселке, обнесенном плотной изгородью. Такие поселки, называемые *мусадода*, имели несколько входов, по одному для каждой родственной группы. Входы назывались *дошта*, и это слово иногда употребляется в значении родственной группы, рода. Отметим, что в языке суахили слово «дверь» (*mlango*) тоже употребляется в значении родовой группы и что этот термин встречается во многих языках банту. Возможно, что на связь между понятиями «род» и «вход, дверь» проливает свет история термина *дошта* у датоба.

Иракв [ираку]

Исследование малоизученного народа иракв, язык которого, как было сказано, до сих пор многими лингвистами считается изолированным и не родственным ни одному из языков Восточной Африки, занималась группа ученых, обосновавшихся на базе у подножия горы Хананг: Сэхэн Вада, Кацуёси Фукуи, Госинао Ёнеяма.

Проблемы хозяйства и материальной культуры рассмотрены в статьях К. Фукуи «Экономика земледельческо-скотоводческих иракв» (IV, 41—76), «Миграция и поселение иракв в округе Хананг. Экологические наблюдения» (V, 100—124), «Алкобольные напитки иракв. Методы приготовления и социальные функции» (V, 125—148).

По данным национальной переписи 1957 г., этот народ насчитывал около 130 тыс. чел., живущих на северных склонах горы Хананг. Они переселились сюда, по-видимому, в конце XIX в. под давлением масаев и датоба. Основу существования иракв составляет мотыжное земледелие. Главные культуры — кукуруза, разные виды сорго и просо. Кроме того, иракв возделывают различные овощи, а на продажу — пшеницу, бататы и лук. Наряду с этим они разводят крупный рогатый скот, коз, овец и ослов. Некоторое значение имеет и охота с применением лука и стрел. По мнению автора, экономика иракв отличается тем, что земледелие и скотоводство не связаны между собой. Скот служит прежде

всего показателем богатства и накоплений. Его не используют ни при обработке полей, ни для перевозки грузов. Поэтому Фукуи называет их экономику «земледельческо-пастушеской». Работы Фукуи снабжены множеством схем, фотографий и диаграмм, что дает ясное представление об условиях жизни этого народа.

Работы С. Вада посвящены описанию общественного строя: «Локальная группа иракв, ее структура и функции» (III, 109—132), «Территориальная экспансия иракв. Землевладение и локальная группа» (IV, 115—132), «Брачные обряды и обычаи иракв» (VI, 31—32).

В наши дни у иракв, как и у датога, основной общественной единицей является соседская община. Она обычно состоит из 40—50 домохозяйств, принадлежащих к разным кланам или родовым группам. Эта соседская община называется *intlamo aseagema*.

На языке иракв — *intlamo* означает «дом». Точного перевода слова *aseagema* автор не дает, но указывает его значение: соседи находятся в столь близких отношениях, что могут давать друг другу огонь. За пределы соседской общины огня не дают. Обычай этот возник, очевидно, очень давно, когда огонь приходилось добывать трением и поэтому его поддерживали в очагах постоянно. Но и теперь, когда всюду распространены спички, огонь в очаге не угасает, так как женщины присматривают за ним.

Соседские общины объединены в большие группы, в обязанности которых входят поддержание в порядке дорог и другие общественные работы. Каждое такое объединение имеет общинные земли, главным образом пастбища. Полевые участки и огороды, по словам Вада, находятся в частном владении, но остается неясным, имеем ли мы дело с личной или с частной собственностью. Распределение земли производит глава деревни, потомок первопоселенцев — основателей селения.

Очень интересны работы Т. Енеяма «Жизнь и общество иракв» (IV, 77—114) и «Некоторые основные понятия у иракв в Северной Танзании» (V, 81—100). В этих статьях анализируются их представления о времени, о хозяйственных сезонах, об этапах жизненного пути, о соседях и других народах, о структуре мира и др.

Селения и города (Мангола и Уджиджи)

Как мы уже отмечали, первая исследовательская база экспедиции находилась у озера Эяси в селении Мангола, расположенном в одноименном округе. Название это происходит, по-видимому, от слова мангвала (на языке датога), и с ним связана легенда о некогда жившем здесь сказочном слоне. Соити Танака в своей работе описал географическую среду и условия жизни в этом районе (III, 27—54), а его коллега Ёити Вадзаки — этнический состав Манголы (V, 47—80). Очень интересно и подробно составлены схемы миграций населения и карты его размещения. Они дают ясное представление о многоплеменном характере и сложных этнических взаимоотношениях в этом районе.

Первоначально в саванне у северо-восточного побережья озера Эяси жили одни хадзапи, которые занимались охотой и собирательством. Иногда здесь появлялись масаи, и озеро Эяси было названо так немецкой географической экспедицией 1884 г. со слов масаи. Позднее, в 1940 г., масаи ушли из этого района, но здесь появились сначала датога, а позднее иракв. Так постепенно заселялась местность и возникали небольшие поселения, называемые на языке суахили *киджиджи*.

В период работы японской экспедиции в селении Мангола — административном центре округа — имелись начальная школа, больница и окружной комитет партии ТАНУ. В селении жили 329 семей иракв, 227 — датога, 179 — различных племен, говорящих на языках банту, а хадзапи — всего лишь 13 семей. Все эти этнические группы находятся в

постоянном взаимодействии. Вадзаки указывает, что жители селения на официальных собраниях часто говорят: «Мы, суахили, иракв и датога, будем совместно работать...». Это означает, что у них еще остается представление о трех различных этнических группах, характер хозяйственной жизни которых пока еще различен, но автор отмечает, что они постепенно сливаются воедино.

В работе «*Chama* — африканское понимание взаимодействия групп на примере селения Мангола в Танзании» (I, 231—255) Вадзаки выясняет значение этого суахилийского слова. Оно может обозначать любое объединение, нечто вроде клуба или ассоциации (например, скупщиков хлопка и т. п.). Наряду с этим *chama* может употребляться в значении племени или каких-либо объединений племенного характера. *Chama* означает также принадлежность данной группы лиц к какой-либо религии, т. е. исламу, католицизму и лютеранству. Наконец, это же слово может относиться к общенациональным организациям и органам власти, обозначая правительство государства, партию ТАНУ и т. п.

Процесс образования новых этнических группировок и проблема формирования национальной общности постепенно стали одной из основных тем исследований японских ученых. В связи с этим они приступили к изучению этносоциальных взаимоотношений в городе.

Сюня Хино и Наомиси Исиге в течение нескольких лет жили в Уджиджи, крупнейшем городе этой части Танзании, исследуя этнический состав, социальную структуру и быт населения. В работах С. Хино «Социальная стратификация суахилийского города» (II, 52—74), «Дифференциация этнических групп по занятиям. Профессиональная дифференциация населения африканского города» (II, 75—108) и «Одежда народа суахили» (II, 109—145) описывается население Уджиджи. Н. Исиге, как бы продолжая изыскания Хино, в статьях «О суахилизации» (III, 93—108), «Соседские общины в африканском городском обществе» и «Социальные отношения и самосознание суахилийского народа в Уджиджи, небольшом городе Танзании» (VI, 1—30), показывает, как на основе суахилийской системы ценностей возникает новое самосознание, преодолевающее трибалистскую ограниченность.

Все эти вопросы были обобщены в работе социолога Тосинао Ёнеяма «Образование национальных культур в Африке. Сравнительное исследование» (VIII, 1—15). Ввиду большого значения затронутых в ней вопросов я надеюсь посвятить им особую статью, что позволит мне высказаться и по поводу концепции Т. Ёнеямы.

Архитектура народов Восточной Африки

Статьи Такако Судзуки, посвященные описанию архитектуры, заслуживают отдельного рассмотрения. Сравнительное изучение различных форм жилища у народов Африки было впервые предпринято Лео Фробениусом, который еще в 1897 г. на основании различия в типах постройки выделил западноафриканский культурный круг, характеризующийся, по его мнению, прямоугольными хижинами с двускатными крышами. Описанию различных форм жилищ в Судане посвятил свою небольшую работу Г. Фробениус (отец Лео Фробениуса)⁹. Позднее типы хижин, как один из элементов материальной культуры, характеризующий культурные круги, постоянно рассматривались в работах представителей культурно-исторической школы. В числе их следует упомянуть книгу А. Шахтцабеля¹⁰. После этой работы каких-либо сравнительных исследований африканского жилища, за исключением «*Atlas Africanus*» Фро-

⁹ L. Frobenius, *Der Ursprung der afrikanischen Kulturen*, Berlin, 1898; H. Frobenius, *Die afrikanischen Hütten und verschiedene Geräte* (глава в книге L. Frobenius), S. 194—229.

¹⁰ A. Schachtzabel, *Die Siedelungsverhältnisse der Bantu-Neger*, Leiden, 1911.

бениуса¹¹ и карты распространения различных типов жилищ во французских колониях Западной Африки, изданной Институтом Французской Черной Африки¹², не было. Недостатком этих исследований было отсутствие точных данных по охваченным картографированием территориям. Материалы были неравноценными, отсутствовали необходимые чертежи, не было точных измерений, разрезов и планов. Правда, во многих работах при описании форм поселений изучаемой этнической группы или отдельного народа встречаются превосходные, сделанные квалифицированными архитекторами под руководством этнографов, аксонометрические проекции, чертежи планов поселений, продольные и поперечные разрезы хижин. Такова, например, книга Ж. П. Лебефа о поселениях и жилище народа фали¹³. Однако и в этих случаях авторы не ставили своей целью собрать материалы для создания карты типов жилищ Африки. Именно эту задачу на материале Восточной Африки выполнил Т. Судзуки. В своей работе «Предварительный отчет о жилищах Восточной Африки» (VI, 53—138) он дал описание хижин 16 народов Уганды. Автор объехал территорию Уганды в 1967—1968 гг., проведя в стране более полугодом. По каждой этнической группе он опубликовал унифицированные описания и чертежи с точным указанием всех необходимых размеров. Эти материалы содержат общий план всей группы построек, входящих в домохозяйство (так сказать, всего комплекса хижин), включая зернохранилище; общий вид хижины в разрезе в аксонометрической проекции, где показана структура постройки; план хижины с указанием размещения всей хозяйственной утвари; разрезы зернохранилищ разного типа. Ввиду того, что эти данные собраны по определенному плану, автор смог составить сводную сравнительную таблицу по всем типам жилищ народов Уганды и даже провел сравнение размеров этих жилищ с размерами жилищ Древней Японии периодов неолита (культура дзёмон) и раннего железа (курганная культура Кофун).

В другой своей статье, «Дома Восточной Африки» (VII, 224—268), Т. Судзуки описал таким же образом жилища основных этнических групп Танзании, где он провел восемь месяцев в 1970—1971 гг.

Третья его работа — «Дома и жизнь племени тонгве в Танзании» (VII, 269—310). Прожив несколько месяцев в деревне Бусондо, Т. Судзуки описал жилища этого народа, дал подробнейшие чертежи и, кроме того, привел диаграмму занятий членов семьи по часам. Подобное, почти хронометрическое, исследование дает возможность судить о трудоемкости различных процессов хозяйственной деятельности, что встречается в этнографических работах крайне редко.

Особо хочется отметить, что автор не пренебрег учетом формы зернохранилищ, на что обычно не обращают внимания в этнографических работах. Между тем известно, что одни и те же формы жилищ нередко распространены на обширной территории и встречаются у разных племен, тогда как формы зернохранилищ почти всегда разнотипны и специфичны для каждой этнической группы. Несомненно, работы Т. Судзуки представляют исключительный интерес по точности исполнения и методике исследования.

Исследования в странах Западной Африки

Большая часть работ по Западной Африке принадлежит лингвисту П. К. Эгути. Он исследовал преимущественно языки населения горного района Мандара в Северном Камеруне, но интересовался также некоторыми языками народов Республики Мали.

¹¹ L. Frobenius, Atlas Africanus, München, 1921, Hf. 1—8.

¹² L'Habitation en Afrique Occidentale et Centrale. Forme et matériaux. Essai, Paris, 1948.

¹³ J. P. Lebeuf, L'habitat au Cameroun: Présentation des principaux types d'habitat. Essai d'adaptation aux problèmes actuels, Paris, 1952.

Эгути дал описание фонетики и привел небольшой список слов языка, на котором говорят вандара, живущие в Северном Камеруне и прилегающих к нему районах Нигерии (III, 133—142). В другой статье Эгути сообщает некоторые данные о фонетике и основных грамматических чертах языков народов горного района Мандара, дополняя те, пока еще отрывочные сведения, которые имелись до этой группы чадских языков (IV, 133—157). Во время своих работ в Камеруне в 1968—1970 гг. Эгути собрал материалы по языкам мамбай и хиде. Первый из этих языков еще до второй мировой войны исследовал проф. Лукас, посвятивший ему раздел в своем исследовании «Центрально-суданские штудии»¹⁴. Работа Эгути дает много нового: довольно подробный очерк фонетики, сведения о составе именных и вербальных морфем, а также текст и список около 80 слов (VI, 139—194). Другой очерк, «Материалы для изучения языка хиде. Словарь» (VI, 195—293), содержит хиде-французский и французско-хиде словари (более 1700 слов), записанных алфавитом Международного Африканского института. Эти работы существенно пополняют наши знания о до сих пор мало изученных языках группы мандара, положение которых в составе чадских языков еще недостаточно четко определено.

Находясь в Северном Камеруне, К. П. Эгути и Мириам Дж. Эгути занимались также изучением быта и обрядов живущих там фульбе. К. П. Эгути записал ритуальные песни, исполняемые фульбе во время обряда обрезания (VIII, 205—231). Песни эти теперь почти исчезли. Исполнение их, как языческих заклинаний, было запрещено еще во времена Османа дан Фодио. По-видимому, это вообще первые записи такого рода, так как описание обряда инициации у фульбе, называемое «Кумен», было издано Ж. Дитерлен и Амаду Хампате Ба только в переводе на французский язык. Мы до сих пор не располагали этими священными для фульбе текстами на их языке, так как они считаются запретными для непосвященных. Песни, записанные К. П. Эгути, тем интереснее, что мы находим в них древнюю домусульманскую традицию. М. Дж. Эгути дала подробное описание домов, утвари, распорядка дня, одежды и причесок женщин в одном из селений Северного Камеруна. Работа эта ценна потому, что мужчины-этнографы не имеют доступа к этой стороне жизни мусульман фульбе (VIII, 17—92).

Находясь в Мали, К. П. Эгути собрал материалы по одному из диалектов языка догон в районе Бандиагара (III, 143—158) и двух диалектов языка фульбе — *фатома* и *бандиагара*, составив список по каждому из них. Кроме того, им были изучены некоторые особенности диалекта *хомбори*. Прежде считалось, что он относится к восточному диалекту языка *сонгаи*, т. е. *гао*. Новые данные показывают, что хомбори занимает среднее положение между диалектами *гао* и *зарма*.

Японские ученые проводили в Западной Африке и этносоциологические исследования. Так, Масару Акасака проследил постепенное превращение Уелесебугу — деревни в южной части республики Мали — в большое селение с постоянным рынком (VIII, 117—149), Наомити Исигэ в своем предварительном отчете описал переход к оседлости мегара — скотоводческого племени арабов Фещана (VIII, 151—156). Одна статья посвящена описанию палеолитических орудий ашельского и мустьерского типов, найденных в Фещане (VIII, 167—182).

Наконец, обстоятельные исследования переложного земледелия у народа дуру, живущего в северной части провинции Адамауа Республики Камерун, дал Нобуюки Хата. Он изучил соотношение двух типов земледелия — возделывания злаковых культур и выращивания корнеплодов в районе преобладания культуры ямса (*Yams Civilization* по терминологии ботаника Д. Г. Керси). Этот вопрос связан с историей распро-

¹⁴ J. L u k a s, Zentralsudanische Studien, Hamburg, 1937, S. 191.

странения возделывания ямса, который составляет основу питания многих народов Гвинейского побережья от Ганы вплоть до северной части бассейна Конго. Весь этот район, который американский этнограф Мёрдок называет «ямсовым поясом»,— область древней культуры. Автор приходит к выводу, что переложная система земледелия *дуру* представляет собою переходный тип между земледелием ямсового пояса и земледелием, характерным для пояса саванн, где преобладают злаковые культуры (VIII, 93—115).

Завершая обзор восьми томов серии «Африканские исследования Университета Киото», мы можем с полным основанием сказать, что работы, включенные в это издание, вносят существенный вклад в мировую африканистику.
